

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Публикуемые здесь избранные речи Цицерона переведены с латинского по изданию Cicéron, Discours. Collection des Universités de France publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé. Paris, 1921–1953.

При работе над речами 1 и 2 был принят во внимание перевод В. А. Алексеева и Ф. Ф. Зелинского (Марк Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. Т. I. СПб., 1901).

Стихи — в тех случаях, когда это не оговорено особо, — переведены В. О. Горенштейном.

Выдержки из законов, постановлений сената, преторских эдиктов, судебные формулы набраны курсивом. Хронологические даты — до нашей эры, если это не оговорено особо. При ссылках на античную литературу указываются параграфы.

При ссылках на письма Цицерона указывается сборник, книга и номер письма, а также номер письма по изданию: Марк Туллий Цицерон. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна. Т. I–III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1951.

***

В эпоху республики, по 46 г. включительно, римский календарь был лунным. Год состоял из 12 месяцев и имел 355, а с дополнительным месяцем — 377

или 378 дней, при четырехлетнем цикле. Месяцы март, май, квинтилий и октябрь имели по 31 дню, февраль — 28 дней, остальные месяцы — по 29 дней. Введенный в эпоху децемвиров дополнительный месяц (*mensis intercalaris*), продолжительностью в 22 или 23 дня, вставлялся каждые два года с присоединением к нему последних пяти дней февраля.

Первый день месяца назывался календами; в четырех месяцах, имевших по 31 дню, седьмой день назывался нонами, пятнадцатый — идами; в остальных месяцах эти названия относились соответственно к пятому и тринадцатому дням. В лунном месяце календы были днем новолуния, ноны — днем первой четверти, иды — днем полнолуния. Счет дней производился от календ, нон и ид в обратном порядке, причем считались также и указываемый день и день, от которого производился счет. Дополнительный месяц вводился с целью сохранить соответствие между календарем и временами года. Расхождение между официальным и истинным календарем иногда доходило до двух месяцев и более. Календарем ведали жрецы-понтифики.

В 46 г. по распоряжению диктатора Гая Юлия Цезаря, на основании вычислений александрийского астронома Сосигена, была произведена реформа календаря и введен солнечный год. В феврале было оставлено 28 дней. Месяцы январь, секстилий и декабрь были удлинены на два дня каждый, остальные 29-дневные месяцы — на один день каждый. Каждый четвертый год был сделан високосным, с 29 днями в феврале. Этот календарь впоследствии получил название Юлианского. Для упорядочения календаря 46 год довели до 445 дней, введя в него три дополнительных месяца продолжительностью в 28, 29, 28 дней и 10-дневный период.

В начале 44 г. месяц квинтилий был назван июлем в честь Цезаря, родившегося в этом месяце. В 8 г. н. э. секстилий был назван августом в честь принцепса Октавиана Августа.

В русском переводе сохранены обозначения римского календаря, но не считается день, от которого ведется счет дней.

День в Риме считался от восхода и до захода солнца, ночь — от захода солнца и до его восхода. День, как и ночь, делился на 12 часов; поэтому продолжительность каждого часа зависела от времени года: летом дневные часы были длиннее, чем ночные; зимой соотношения были обратными. Время обозначалось порядковым числительным, например, «в пятом часу» (от восхода солнца). В войсках ночь делилась на четыре «стражи» (*vigiliae*), по три часа в каждой.

Виктор Горенштейн

Речи 80–63 гг. до н. э.

Речь в защиту Секста Росция из Америи

[В суде, 80 г.]

I. (1) Вы, конечно, удивляетесь, судьи, почему в то время, когда столько выдающихся ораторов и знатнейших людей сидит спокойно, поднялся именно я, хотя ни по летам своим, ни по дарованию, ни по влиянию я не могу выдержать сравнения с этими вот, сидящими здесь людьми. Все те, кто, как видите, находится здесь¹, полагают, что в этом судебном деле надо дать отпор несправедливости, порожденной неслыханным злодейством, но сами они дать отпор, ввиду неблагоприятных обстоятельств нашего времени², не решаются. Вот почему они, повинуясь чувству долга³, здесь присутствуют, а, избегая опасности, молчат. (2) Что же следует из этого? Что я — всех смелее? Ничуть. Или что я в такой степени превосхожу других своим сознанием долга? Даже эта слава не настолько прельщает меня, чтобы я хотел отнять ее у других. Какая же причина побудила меня более, чем кого-либо другого, взять на себя защиту Секста Росция? Дело в том, что, если бы кто-нибудь из присутствующих здесь людей, влиятельных и занимающих высокое положение, высказался и произнес хотя бы одно слово о положении государства (а это в настоящем деле неизбежно), то было бы сочтено, что он высказал даже гораздо больше, чем действительно сказал. (3) Если же я выскажу без стеснения все, что следует сказать, то все же речь моя никак не сможет выйти отсюда и широко распространиться среди черни. Далее,

слова этих людей, вследствие их знатности и известности, не могут пройти незамеченными, а любое неосторожное выражение им не простят ввиду их возраста и рассудительности; между тем, если слишком свободно выскажусь я, то это либо останется неизвестным, так как я еще не приступал к государственной деятельности⁴, либо мне это простят по моей молодости; впрочем, в нашем государстве уже разучились не только прощать проступки, но и расследовать преступления⁵.

(4) К этому присоединяется еще вот какое обстоятельство: может быть, с просьбой защищать Секста Росция к другим людям обращались в такой форме, что они имели возможность согласиться или отказаться, не нарушая своего долга; ко мне же с настоятельной просьбой обратились такие лица, чья дружба, милости и высокое положение для меня слишком много значат, и я не имел права ни забывать об их расположении ко мне, ни презреть их авторитет, ни отнестись к их желанию небрежно. II. (5) По этим причинам я и оказался защитником, ведущим это дело, — не первым, избранным предпочтительно перед другими за свое особое дарование, а, напротив, последним из всех, так как могу говорить с наименьшей опасностью для себя, — и не для того, чтобы Секст Росций нашел во мне достаточно надежного защитника, а дабы он не остался вовсе беззащитным.

Быть может, вы спросите, какая же страшная, какая чудовищная опасность препятствует столь многим и столь достойным мужам выступить с речью в защиту гражданских прав и состояния другого человека, как они это обычно делали. Неудивительно, если вы до сего времени не знаете этого, так как обвинители преднамеренно не упомянули о том, из-за чего возникло это судебное дело. (6) В чем же оно заключается? Имущество отца присутствующего здесь Секста Росция, оценивающееся в 6 000 000 сестерциев, купил у знаменитейшего и храбрейшего мужа Луция Суллы⁶, — чье

имя я произношу с уважением⁷, — человек молодой, но в настоящее время, пожалуй, самый могущественный в нашем государстве, — Луций Корнелий⁸ Хрисогон, заплатив за него, как он сам говорит, 2000 сестерциев. И вот он требует от вас, судьи, чтобы вы — так как он совершенно незаконно завладел огромным и великолепным чужим имуществом и так как, по его мнению, само существование Секста Росция мешает и препятствует ему пользоваться этим имуществом — рассеяли все его опасения и избавили от страха. Хрисогон думает, что пока Секст Росций жив и невредим, ему не удастся навсегда присвоить себе обширное и богатое отцовское наследство ни в чем не повинного человека, но если Секст Росций будет осужден и изгнан, то он сможет прокутить и промотать все, что приобрел путем злодеяния. Вот он и требует от вас, чтобы вы вырвали из его сердца это опасение, грызущее его душу день и ночь, и сами открыто признали себя его пособниками в этом преступном грабеже. (7) Если его требование вам, судьи, кажется справедливым и честным, то и я, в ответ на него, выдвигаю требование простое и, по моему убеждению, несколько более справедливое.

III. Во-первых, я прошу Хрисогона удовлетвориться нашим богатством и имуществом, а нашей крови и жизни⁹ не требовать; во-вторых, я прошу вас, судьи, дать отпор злодеянию наглецов, облегчить бедственное положение ни в чем не повинных людей и разбором дела Секста Росция устранить опасность, угрожающую всем гражданам. (8) Но если возникнет либо основание для обвинения, либо подозрение в том, что преступление действительно совершено, или же если станет известно какое-нибудь обстоятельство, хотя бы самое ничтожное, которое позволит думать, что у наших противников все же были какие-то основания подать жалобу¹⁰, наконец, если вы найдете любой другой повод к судебному делу, помимо той добычи, о которой я говорил, то мы идем на то, чтобы жизнь Секста Росция была

предана в их руки. Если же все дело только в том, чтобы удовлетворить этих ненасытных людей, если ныне они бьются только из-за того, чтобы осуждением Секста Росция как бы завершить захват богатой, великолепной добычи, то, не правда ли, после многих возмутительных фактов самым возмутительным является то, что вас сочли подходящими людьми для того, чтобы ваш вынесенный после присяги приговор закрепил за ними то, чего они обычно достигали преступлениями и оружием; то, что тайные убийцы и гладиаторы¹¹ требуют, чтобы люди, за свои заслуги избранные из числа граждан в сенаторы, а за свою строгость — из числа сенаторов в этот совет¹², не только освободили их от наказания, которого они за свои злодеяния должны со страхом и трепетом ожидать от вас, но еще и выпустили их отсюда обогащенными и как бы награжденными славной боевой добычей¹³.

IV. (9) Не чувствую в себе сил ни достаточно изящно говорить об этих столь тяжких и столь ужасных преступлениях, ни достаточно убедительно жаловаться, ни достаточно свободно выражать свое негодование. Ибо для изящества речи мне не хватает дарования, ее убедительности мешает моя молодость, ее свободе — нынешнее положение дел. Кроме того, меня охватывает необычайный страх, что объясняется и моей природной застенчивостью¹⁴, и вашим высоким положением, и силой моих противников, и опасностью, угрожающей Сексту Росцию. Поэтому я прошу и заклинаю вас, судьи, отнестись к моим словам с вниманием и благожелательной снисходительностью. (10) В надежде на вашу честность и мудрость я взял на себя бремя более тяжкое, чем то, какое я, по моему мнению, могу снести. Если вы, судьи, хоть сколько-нибудь облегчите мне его, я буду нести его по мере своих сил, с усердием и настойчиво; но если вы, против моего ожидания, оставите меня без поддержки, я все-таки не паду духом и, пока смогу, буду нести то, что на себя взял. И если я не

смогу донести его до конца, то скорее паду под бременем долга, чем предательски брошу или малодушно откажусь от доверенного мне.

(11) Также и тебя, Марк Фанний, я настоятельно прошу — каким ты уже давно проявил себя по отношению к римскому народу, когда председательствовал именно в этом постоянном суде¹⁵, таким покажи себя нам и государству в настоящее время. V. Какое великое множество людей собралось, чтобы присутствовать при этом суде, ты видишь; чего ожидают все эти люди, как они желают справедливых и строгих приговоров, ты понимаешь. После долгого перерыва сегодня впервые происходит суд по делу об убийстве¹⁶, а между тем за это время были совершены гнуснейшие и чудовищные убийства. Все надеются, что этот постоянный суд, где претором являешься ты, будет по заслугам карать за злодеяния, происходящие у всех на глазах, и за ежедневное пролитие крови.

(12) С тем воплем о помощи, с каким при слушании других дел к судье обычно обращаются обвинители, ныне обращаемся мы, привлеченные к ответственности. Мы просим тебя, Марк Фанний, и вас, судьи, возможно строже покарать за злодеяния, возможно смелее дать отпор наглейшим людям и помнить, что, если вы в этом судебном деле не покажете, каковы ваши взгляды, то жадность, преступность и дерзость способны дойти до того, что не только тайно, но даже здесь на форуме, перед твоим трибуналом¹⁷, Марк Фанний, у ваших ног, судьи, прямо между скамьями будут происходить убийства. (13) И в самом деле, чего другого добиваются посредством этого судебного дела, как не безнаказанности таких деяний? Обвиняют те, кто захватил имущество Секста Росция; отвечает перед судом тот, кому они не оставили ничего, кроме его несчастья. Обвиняют те, кому убийство отца Секста Росция было выгодно¹⁸, отвечает перед судом тот, кому смерть отца принесла не только горе, но и нищету. Обвиняют

те, кому непреодолимо захотелось убить присутствующего здесь Секста Росция; перед судом отвечает тот, кто даже на этот самый суд явился с охраной, дабы его не убили здесь же, у вас на глазах. Коротко говоря, обвиняют те, над кем народ требует суда; отвечает тот, кто один уцелел от злодеяния убийц. (14) А чтобы вам легче было понять, судьи, что все происшедшее еще более возмутительно, чем можно думать на основании моих слов, я расскажу вам с самого начала, как все это случилось, дабы вам легче было представить себе и несчастье, постигшее этого, ни в чем не повинного человека, и дерзость тех людей, и бедственное положение государства.

VI. (15) Секст Росций, отец моего подзащитного, был уроженцем муниципия Америи¹⁹, по своему происхождению, знатности и богатству, пожалуй, первым человеком не только в своем муниципии, но и во всей округе; кроме того, он был известен благодаря своему влиянию и узам гостеприимства, соединявшим его со знатнейшими людьми. Ибо с Метеллами, Сервилиями и Сципионами его связывали не только узы гостеприимства, но и близкое знакомство и общение. Имена их я называю, как подобает, памятуя их высокое звание и положение. Из всех его преимуществ сыну досталось одно только это; ибо состоянием его отца владеют разбойники-родичи, захватив его силой; но доброе имя и жизнь ни в чем не повинного человека защищают гостеприимцы и друзья его отца. (16) Так как Росций-отец всегда сочувствовал знати, то и во время последних потрясений²⁰, когда высокому положению и жизни всех знатных людей угрожала опасность, он более, чем кто-либо другой, ревностно отстаивал на своей родине их дело своим примером, проявляя свою преданность им и используя свое влияние. Ибо он действительно считал правильным бороться за почетное положение тех, благодаря которым он сам достиг такого большого почета среди своих сограждан. После того как победа бы-

ла одержана и мы отложили оружие в сторону, когда начались проскрипции и всюду стали хватать тех, кто считался противниками знати, Секст Росций часто бывал в Риме и ежедневно появлялся на форуме на виду у всех, дабы видно было, что он ликует по поводу победы знати, а не страшится каких бы то ни было печальных последствий для себя самого.

(17) Он давно был не в ладах с двоими Росциями из Америи: один из них, вижу я, сидит на скамьях обвинителей; другой, как мне известно, владеет тремя именьями моего подзащитного. Если бы его отец сумел оградить себя от их вражды настолько же, насколько он ее опасался, он был бы жив. Ведь не без основания он опасался этой вражды, судьи! Ибо двое этих Титов Росциев (прозвание одного из них — Капитон, а этого, присутствующего здесь, зовут Магном)²¹ — вот какие люди: первый считается испытанным и известным гладиатором, стяжавшим немало пальмовых ветвей; второй, присутствующий здесь, избрал его своим ланистой²²; и тот, кто до этого боя, насколько мне известно, был новичком, без труда превзошел своей преступностью самого своего учителя. VII. (18) Ибо, когда присутствующий здесь Секст Росций был в Америке, то этот вот Тит Росций был в Риме; когда сын безвыездно жил в именьях и, по желанию отца, посвятил себя управлению поместьями и сельскому хозяйству, этот, напротив, постоянно находился в Риме, и именно тогда Секст Росций-отец при возвращении с обеда и был убит возле Паллацинских бань²³. Уже одно это обстоятельство, надеюсь, не оставляет сомнений, на кого может пасть подозрение в злодеянии; но если сами факты не сделают очевидным того, что пока еще только вызывает подозрение, можете считать моего подзащитного соучастником в преступлении.

(19) После убийства Секста Росция первым принес в Америку это известие некий Маллий Главция, человек бедный, вольноотпущенник, клиент и приятель Ти-

та Росция, и принес его не в дом сына убитого, а в дом его недруга, Тита Капитона. И хотя убийство произошло во втором часу ночи, уже на рассвете гонец прибыл в Америю; за десять ночных часов он пролетел на одноколке пятьдесят шесть миль²⁴ не только для того, чтобы первым доставить недругу убитого желанную весть, но и чтобы показать ему свежую кровь его недруга и нож, только что извлеченный из его тела. (20) На четвертый день после этого события о случившемся сообщают Хрисогону в лагерь Луция Суллы под Волатеррами²⁵. Его внимание обращают на огромное состояние Секста Росция, упоминают и о ценности поместий (ведь убитый оставил тринадцать имений, которые почти все лежат на берегах Тибра), о беспомощности и беззащитности его сына; указывают, что если Секста Росция-отца, человека блистательного²⁶ и влиятельного, убить было так легко, то ничего не будет стоить устранить его сына, человека неискушенного, выросшего в деревне и неизвестного в Риме; предлагают свою помощь в этом деле. Скажу коротко, судьи: «товарищество» было создано²⁷.

VIII. (21) Хотя проскрипций уже и в помине не было, хотя даже те, кто ранее был в страхе, возвращались обратно и считали себя уже вне опасности, имя Секста Росция, горячего сторонника знати, было внесено в списки²⁸. Все скупил Хрисогон; три, пожалуй, самых лучших имения перешли в руки Капитона, который владеет ими и ныне; остальное имущество захватил Тит Росций, как он сам говорит, уполномоченный на это Хрисогоном. Это имущество, стоившее 6 000 000 сестерциев, было куплено за 2000 сестерциев. Я знаю наверное, судьи, что все это было сделано без ведома Луция Суллы. (22) И нет ничего удивительного в том, что он, залечивая раны прошлого и в то же время обдумывая планы будущего и один ведая вопросами мира и войны, когда на него одного обращены все взоры и один он управляет всем, когда он обременен стольки-

ми и столь важными делами, что ему и вздохнуть некогда, — что он чего-нибудь и не заметит, тем более, что такое множество людей следит за его занятиями и старается улучшить время, чтобы совершить какой-нибудь подобный поступок, сто́ит ему хотя бы на миг отвернуться. К тому же, как он ни счастлив²⁹ (а это действительно так), все же никто не может быть настолько счастливым, чтобы не иметь среди своей многочисленной челяди хотя бы одного бесчестного раба или вольноотпущенника.

(23) Тем временем этот вот самый Тит Росций, честнейший муж, доверенный Хрисогона, приезжает в Америю, врывается в имения моего подзащитного и его, несчастного, убитого горем, еще не успевшего полностью отдать последний долг умершему отцу³⁰, судьи, выбрасывает из дома раздетым догола, отталкивает его от родного очага и богов-пенатов³¹, а сам становится хозяином огромного имущества. Человек, живший на свои средства в крайней скудости, оказался, как это часто бывает, наглцом, когда стал жить на чужие; многое он открыто унес к себе домой, еще больше забрал тайно; немало раздарил щедро и без разбора своим пособникам; остальное продал, устроив торги.

IX. (24) Это так удручающе подействовало на жителей Америки, что по всему городу слышались плач и жалобы. И в самом деле, их воображению одновременно представлялось многое: мучительная смерть Секста Росция, человека, пользовавшегося их глубоким уважением, столь незаслуженная нищета его сына, которому из богатого отцовского достояния этот нечестивый разбойник не оставил даже права прохода к могиле отца³², позорная покупка имущества, захват его, воровство, хищения, раздачи. Всякий предпочел бы решиться на все, лишь бы не видеть, как Тит Росций кичится, хозяйничая в имении Секста Росция, прекрасного и достойнейшего человека. (25) И вот декурионы немедленно постановили, чтобы десять старей-

шин отправились к Луцию Сулле, объяснили ему, каким человеком был Секст Росций, заявили жалобу на злодеяние и беззакония этих людей и попросили его взять под свою защиту доброе имя умершего отца и имущество ни в чем не повинного сына. Прошу вас ознакомиться с этим постановлением [Постановление декурионов]. Посланцы приезжают в лагерь. Становится очевидным, судьи, все то, о чем я уже говорил: эти гнусные злодеяния совершались без ведома Луция Суллы. Ибо Хрисогон немедленно отправился к ним сам, подослал к ним знатных людей просить их не обращаться к Сулле и обещал им, что он, Хрисогон, сделает все, что они захотят. (26) Он так перепугался, что согласился бы умереть, лишь бы Сулла не узнал о его проступках. Посланцы, люди старой закалки, судившие о других по себе, поверили ему, когда он дал им честное слово, что вычеркнет имя Секста Росция из проскрипционных списков и передаст его сыну имения полностью, а когда Тит Росций Капитон, бывший в числе десяти посланцев, тоже обещал им, что это так и будет, они возвратились в Америю, не заявив жалобы.

Сперва начали изо дня в день откладывать и переносить дело на завтра, затем стали все больше затягивать его да еще издеваться и, наконец, как это было легко понять, готовить покушение на жизнь присутствующего здесь Секста Росция, полагая, что им не удастся долее владеть чужим имуществом, пока его собственник жив и невредим. X. (27) Как только Секст Росций узнал об этом, он, по совету друзей и родных, бежал в Рим и обратился — имя ее я произношу с уважением — к Цецилии, сестре Непота, дочери Балеарского, которую хорошо знал его отец. Эта женщина, судьи, по свидетельству всех, являясь образцом для других, даже ныне хранит в себе черты древней верности долгу³³. Она приняла в свой дом Секста Росция, обвинявшего, лишённого крова и выгнанного из его имений, бежавшего от покушений и угроз разбойников,

и пришла на помощь человеку, связанному с ней узами гостеприимства и покинутому всеми. Ее благородству, верности и усердию мой подзащитный обязан тем, что его внесли живым в список обвиняемых, а не убитым в проскрипционный список.

(28) И вот, когда эти люди поняли, что жизнь Секста Росция охраняется чрезвычайно заботливо и что у них нет никакой возможности убить его, они приняли в высшей степени преступное и дерзкое решение — привлечь его к суду по обвинению в отцеубийстве³⁴ и найти для этого какого-нибудь ловкого обвинителя, который мог бы что-нибудь наболтать даже о таком деле, которое не дает никаких оснований для подозрений; наконец, не имея никаких данных для обвинения, они решили использовать положение дел в государстве. Люди эти говорили так: «Коль скоро так долго дела в суде не слушались, тот, кто первым предстанет перед судом, непременно должен быть осужден; Хрисогон очень влиятелен, и Сексту Росцию защитников не найти; о продаже имущества и о „товариществе“ никто даже не заикнется; одного слова „отцеубийство“ и такого ужасного обвинения будет достаточно, чтобы убрать его с дороги, так как никто не возьмется его защищать».

(29) Руководимые этим замыслом или, вернее, охваченные этим безумием, они отдали этого человека, которого сами они, при всех своих стараниях, не смогли убить, на закление вам.

XI. На что мне сперва заявить жалобу, судьи, с чего именно мне лучше всего начать, какой и у кого мне просить помощи? Бессмертных ли богов, римский ли народ, вас ли, обладающих в настоящее время высшей властью, умолять мне о покровительстве? (30) Отец убит злодейски; его дом захвачен недругами; имущество отнято, забрано, расхищено; жизнь сына в опасности и ему не раз уже грозили нож и засада. Какого еще преступления недостает в этом длинном ряду злодеяний? Но все же эти преступления они хотят еще увен-

чать и усугубить другими, неслыханными; они придумывают невероятное обвинение и обвинителей Секста Росция и свидетелей против него нанимают на его же деньги; они предоставляют несчастному следующий выбор: либо подставить свою шею под удар Титу Росцию³⁵, либо умереть позорнейшей смертью, зашитым в мешок³⁶. Они думали, что у него не найдется защитников; да, их не нашлось; но человек, готовый говорить открыто, готовый защищать по совести, — а этого в настоящем деле достаточно, — такой человек нашелся, судьи! (31) Быть может, я, взявшись вести это дело, поступил опрометчиво в своем юношеском увлечении; но раз я уже взялся за него, клянусь Геркулесом, пусть мне со всех сторон угрожают всяческие ужасы, пусть любые опасности нависнут над моей головой, я встречу их лицом к лицу. Я твердо решил не только говорить обо всем том, что, по моему мнению, имеет отношение к делу Секста Росция, но говорить об этом прямо, смело и независимо; ничто не заставит меня, судьи, из чувства страха изменить своему долгу. (32) И в самом деле, кто дошел до такой степени нравственного падения, что смог бы промолчать или остаться равнодушным, видя все это? Отца моего, хотя его имя и не было внесено в списки, вы умертвили; убив его, вы внесли его в проскрипционные списки; меня вы из моего дома выгнали; имуществом моего отца вы завладели. Чего вам еще? Неужели вы и к судейским скамьям пришли с мечами и копьями, чтобы здесь или убить Секста Росция, или добиться его осуждения?

XII. (33) Самым необузданным человеком из тех, какие за последнее время были в нашем государстве, был Гай Фимбрия³⁷, совершенно обезумевший человек, в чем не сомневается никто, кроме тех, кто и сам безумствует. По его проискам во время похорон Гая Мария был ранен Квинт Сцевола³⁸, благороднейший и наиболее выдающийся муж среди наших граждан; о его заслугах здесь не место много говорить; впрочем, о них

нельзя сказать больше, чем помнит сам римский народ; узнав, что Сцевола, возможно, останется в живых, Фимбрия вызвал его в суд³⁹. Когда Фимбрию спрашивали, в чем именно будет он обвинять того, кого даже восхвалить в меру его заслуг невозможно, этот неистовый человек, говорят, ответил: «В том, что он не принял удара меча по самую рукоять»⁴⁰. Римский народ не видел зрелища более возмутительного, чем смерть этого человека, которая была столь важным событием, что смогла поразить и погубить всех граждан; ведь именно теми, кого он хотел спасти путем примирения, он и был убит. (34) Не напоминает ли наше дело всего того, что говорил и совершал Фимбрия? Вы обвиняете Секста Росция? Почему же? Потому, что он выскользнул из ваших рук; потому, что не дал убить себя. Преступление Фимбрии, коль скоро оно было совершено над Сцеволой, вызывает большее негодование; но разве можно примириться и с данным преступлением потому, что его совершает Хрисогон? Ибо — во имя бессмертных богов! — зачем в этом судебном деле нужна защита? Имеется ли какая-нибудь статья обвинения, для опровержения которой от защитника потребовалось бы дарование или от оратора — красноречие? Позвольте, судьи, развернуть перед вами все дело и рассмотреть его, показав его вам воочию. Таким образом вам легче будет понять, что именно составляет суть всего судебного дела, о чем придется говорить мне и чего следует держаться вам.

XIII. (35) Насколько я могу судить, Сексту Росцию ныне угрожают три обстоятельства: обвинение, предъявленное ему его противниками, их дерзость и их могущество. Выдумать преступление взялся обвинитель Эруций; роль отважных негодяев потребовали для себя Росции; Хрисогон же (тот, кто наиболее могуществен) пускает в ход свое влияние. Обо всем этом мне, как я понимаю, и надо говорить. (36) Но как? Не обо всем одинаковым образом: рассмотреть первое обстоятель-

ство — мой долг, разобрать два другие римский народ поручил вам. Мне лично надо опровергнуть обвинение, вы же должны дать отпор дерзости и при первой же возможности искоренить и уничтожить губительное и нестерпимое могущество подобных людей.

(37) Секста Росция обвиняют в отцеубийстве. О, бессмертные боги! Ужасное, нечестивейшее преступление, равное всем другим злодеяниям, вместе взятым! И в самом деле, если дети, по прекрасному выражению мудрецов, часто нарушают свой долг перед родителями уже одним выражением лица, то какая казнь будет достаточным возмездием тому, кто лишил жизни своего отца, за которого, в случае необходимости, законы божеские и человеческие велят умереть? Обвиняя кого-либо в этом столь тяжком, столь ужасном, столь исключительном злодеянии, совершаемом так редко, что в случаях, когда о нем слышали, его считали подобным зловещему предзнаменованию, какие же улики, Гай Эруций, по-твоему, должен представить обвинитель? Не правда ли, он должен доказать исключительную преступную дерзость обвиняемого, дикость его нравов и свирепость характера, его порочный и позорный образ жизни, его полную безнравственность и испорченность, влекущие его к гибели? Между тем ты — хотя бы ради того, чтобы бросить упрек Сексту Росцию, — не упомянул ни о чем подобном.

XIV. (39) Секст Росций убил своего отца. — «Что он за человек? Испорченный юнец, подученный негодяями?» — Да ему за сорок лет. — «Очевидно, испытанный убийца, отчаянный человек, не впервые проливающий чужую кровь?» — Но об этом вы от обвинителя ничего не слышали. — «Тогда его на это злодеяние, конечно, натолкнули расточительность, огромные долги и неукротимые страсти». По обвинению в расточительности его оправдал Эруций, сказав, что он едва ли был хотя бы на одной пирушке. Долгов у него никогда не было. Что касается страстей, то какие страсти могут быть у чело-

века, который, как заявил сам обвинитель, всегда жил в деревне, занимаясь сельским хозяйством? Ведь такая жизнь весьма далека от страстей и учит сознанию долга. (40) Что же в таком случае ввергло Секста Росция в такое неистовство? «Его отец, — говорит обвинитель, — недолюбливал его». Отец его недолюбливал? По какой причине? Для этого непременно должна была быть основательная, важная и понятная всем причина. Ибо, если трудно поверить, что сын мог лишиться отца жизни без очень многих и очень важных причин, то маловероятно, чтобы сын мог навлечь на себя ненависть отца без многих причин, важных и основательных. (41) Итак, мы снова должны вернуться назад и спросить, какими же такими тяжкими пороками страдал единственный сын, что отец невзлюбил его. Но всем ясно, что никаких пороков у него не было. Следовательно, безумен был отец, раз он без всякого основания ненавидел того, кого произвел на свет? Да нет же, это был человек самого трезвого ума. Итак, конечно, уже вполне ясно, что, если и отец не был безумен, и сын не был негодяем, то не было основания ни для ненависти со стороны отца, ни для злодеяния со стороны сына.

XV. (42) «Не знаю, — говорит обвинитель, — какова была причина ненависти; что ненависть существовала, я заключаю из того, что раньше, когда у него было два сына, он того, который впоследствии умер, всегда держал при себе, а этого отослал в свои поместья». Мне при защите честнейшего дела приходится столкнуться теперь с теми же трудностями, какие выпали на долю Эруция при его злом и вздорном обвинении. Эруций не знал, как ему доказать свое вымышленное обвинение; я же не нахожу способа разбить и опровергнуть такие неосновательные заявления. (43) Что ты говоришь, Эруций? Секст Росций, желая сослать и покарать своего сына, поручил ему вести хозяйство и ведать столькими и столь прекрасными, столь доходными имениями? Что скажешь? Разве отцы семейств, имеющие

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	5
----------------------	---

РЕЧИ 80–63 гг. до н. э.

Речь в защиту Секста Росция из Америи [В суде, 80 г.]	11
Речь против Гая Верреса. В суде, первая сессия, 5 августа 70 г. до н. э.	71
Речь против Гая Верреса. Вторая сессия, книга IV, «О предметах искусства». 70 г. до н. э.	94
Речь против Гая Верреса. Вторая сессия, книга V, «О казнях». 70 г. до н. э.	173
Речь о предоставлении империя Гнею Помпею (О Манилиевом законе). На форуме, 66 г. до н. э.	264
Речь в защиту Авла Клуенция Габита В суде, 66 г. до н. э.	295
Вторая речь о земельном законе народного трибуна Публия Сервилия Рулла [К народу, 2 (?) января 63 г.]	393
Речь в защиту Гая Рабирия, обвиненного в государственном преступлении [Перед центуриатскими комициями, первая половина 63 г.]	443
Комментарии. <i>В. Горенштейн</i>	461